

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.022

УДК 32

Е. ИЗТЕЛЕУОВА

соискатель PhD, Узбекский государственный университет
мировых языков, Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: elena4bob@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Статья посвящена комплексному анализу методологических подходов к исследованию внешнеполитической стратегии Республики Узбекистан в постсоветский период. **Целью** работы является выявление теоретических и методологических инструментов, позволяющих адекватно объяснить логику формирования и трансформации внешней политики Узбекистана в условиях изменяющегося регионального и международного контекста, а также внутренней политической и институциональной эволюции государства. Особое внимание уделяется потенциалу таких ключевых парадигм теории международных отношений, как реализм, либерализм и конструктивизм, которые применительны к анализу различных этапов внешнеполитического развития Республики Узбекистан. Показано, что реалистский подход способствует выявлению приоритетов суверенитета, безопасности и стратегической автономии; либеральный подход позволяет акцентировать значение экономической взаимозависимости, международных институтов и многостороннего сотрудничества; конструктивистская перспектива раскрывает роль идентичности, внешнеполитического дискурса и нормативных факторов в формировании внешнеполитических решений. Отдельный акцент сделан на период транзита власти и приход к власти Ш. Мирзиёева, характеризующийся корректировкой внешнеполитического курса, активизацией региональной дипломатии и расширением многосторонних форматов взаимодействия в Центральной Азии. В статье обосновывается целесообразность использования гибридной методологии, сочетающей элементы структурного, институционального и агентно-ориентированного анализа. Такой междисциплинарный подход позволяет учитывать взаимодействие внутренних социально-экономических преобразований, фактора политического лидерства и внешних ограничений международной среды. В результате делается вывод о том, что комбинированный методологический инструментарий обеспечивает более полное и объективное понимание эволюции внешнеполитической стратегии Республики Узбекистан и повышает аналитическую ценность исследований в области региональных и международных процессов.

Ключевые слова: Узбекистан, внешняя политика, реализм, конструктивизм, геополитика, стратегическая культура.

Внешняя политика Республики Узбекистан всегда была сложной, многоуровневой системой, которая формируется на стыке внутренних и международных факторов: Республика Узбекистан вызывает интерес для анализа, так как ее внешнеполитическая стратегия развивается на фоне интенсивной внутренней трансформации и меняющейся глобальной архитектуры международных отношений.

Актуальность выбранной темы заключается в дефиците междисциплинарных и методологических исследований, направленных на выявление факторов, определяющих внешнеполитический курс Ташкента. Как подчеркивает Дж. Розенау в своих работах, «без системного и многомерного анализа интерпретации внешней политики склонны к спекулятивности» [18].

В центре наших интересов находится не просто описание внешнеполитической деятельности Узбекистана, а методологическое осмысление ее формирования и реализации. В существующей литературе на данную тематику зачастую преобладает дескриптивный подход, в то время как объяснительные и прогностические модели остаются малоизученными [10; 14].

В контексте системного анализа внешней политики РУз можно выявить устойчивые взаимосвязи между внутренними реформами, трансформацией управленческих институтов и изменением внешнеполитических приоритетов. Внешняя политика Узбекистана в периоде после 2016 г. не может быть адекватно объяснена исключительно через призму международных факторов без учета внутренних политико-административных и социально-экономических трансформаций.

В частности, системный подход применяется для анализа региональных процессов в Центральной Азии, с акцентом на механизмы обратной связи между национальными стратегиями развития и региональными форматами сотрудничества.

Институциональный подход фокусируется на роли формальных и неформальных институтов во внешнеполитическом процессе. Трансформация внешнеполитического курса Узбекистана сопровождается изменением функций и статуса Министерства иностранных дел, ростом значимости экспертно-аналитического сопровождения и институционализацией взаимодействия с think tanks.

Отдельный корпус литературы опирается на конструктивистскую парадигму. В этом контексте изменения во внешней политике Узбекистана рассматриваются как отражение переосмысления роли страны в региональной и глобальной системе международных отношений.

Исследования в русле конструктивистских подходов подчеркивают значение нормативных сдвигов и политического дискурса в конструировании внешнеполитической идентичности и национальных интересов [7; 23]. Эти выводы подходят и для анализа внешней политики Узбекистана, где программные документы и президентские выступления задают импульс «Нового Узбекистана» и сопровождаются переопределением приоритетов и риторики внешней политики [8; 21].

Ряд современных исследований применяет методы геополитического анализа для изучения поведения государств Центральной Азии в условиях

конкуренции ведущих внешних акторов. В научной литературе регион рассматривается как пространство пересечения интересов России, Китая, Европейского союза и Соединенных Штатов, что напрямую влияет на стратегические ориентиры внешней политики [12; 9].

Таким образом, политика многовекторности выступает не просто декларативным принципом, а адаптивной моделью внешнеполитического поведения, направленной на снижение рисков и расширение возможностей маневра в изменчивой международной среде [5; 17].

В этом контексте Узбекистан нередко рассматривается как пример государства, реализующего гибридную стратегию, сочетающую элементы регионального лидерства, прагматической дипломатии и выборочного участия в международных инициативах [4].

Несмотря на наличие исследований, литература рассматривает взаимосвязь между институциональными реформами, трансформацией идентичности и внешней политикой Узбекистана, но чаще фрагментарно. Так, анализ реформ во внешней политике Узбекистана под руководством С. Мирзиёева демонстрирует масштабные изменения в региональной дипломатии и стратегиях взаимодействия с соседями и глобальными акторами [1].

Результаты проведенного анализа показывают, что ни один из классических теоретических подходов не способен в полной мере объяснить трансформацию внешнеполитической стратегии Республики Узбекистан в пост-2016 период. Вместе с тем их комбинированное применение позволяет выявить структурные факторы внешнеполитического поведения государства, а также зафиксировать специфику узбекской модели внешнеполитического реформирования.

Применение реалистической парадигмы демонстрирует свою аналитическую состоятельность при анализе вопросов региональной безопасности и стратегической устойчивости Узбекистана. В условиях сохраняющейся нестабильности в Афганистане, конкуренции внешних акторов в Центральной Азии и ограниченных ресурсов региональных институтов безопасность остается приоритетом внешней политики Ташкента. Реализм позволяет интерпретировать политику РУз как стремление к сохранению стратегической автономии и предотвращению влияния внешних сил.

Однако результаты анализа показывают, что реализм оказывается недостаточным для объяснения многосторонней дипломатии Узбекистана, его инициатив в сфере регионального диалога и расширения инструментов «мягкой силы». Реализм фиксирует структурные ограничения внешней политики, но не раскрывает логику ее трансформации.

Либеральный подход позволяет интерпретировать внешнюю политику Узбекистана через призму экономической дипломатии, институционального взаимодействия и взаимозависимости. Результаты анализа подтверждают, что после 2016 года Ташкент последовательно расширяет участие в международных и региональных организациях, тем самым активизирует инвестиционные соглашения и использует экономические инструменты как средство внешнеполитического позиционирования [11; 2; 15].

В то же время критический анализ выявляет ограничения либеральной теории применительно к центральноазиатскому контексту. Как отмечают исследователи, либерализм склонен переоценивать уровень институциональной зрелости и автономности региональных организаций, игнорируя их фрагментарность и зависимость от политической воли государств-участников [21]. В этом смысле институциональное участие Узбекистана во многом носит инструментальный характер и не всегда приводит к формированию устойчивых наднациональных механизмов.

Следовательно, либерализм эффективно объясняет экономическую составляющую внешней политики, однако требует корректировки с учетом политико-административных и региональных ограничений, характерных для Центральной Азии.

Конструктивистский подход демонстрирует высокую эвристическую ценность при анализе символического и дискурсивного измерения внешней политики Узбекистана. Исследования показывают, что Ташкент целенаправленно формирует образ реформирующегося, светского и ответственного регионального актора, апеллируя к историко-цивилизационным основаниям своей государственности и культурной самобытности [13; 6]. Использование нарративов, связанных с наследием Тимуридов, исламской цивилизацией и ролью Узбекистана как культурного центра региона, способствует укреплению внешнеполитической легитимности и расширению инструментов «мягкой силы» [3].

При этом конструктивистская перспектива позволяет объяснить роль идентичности и символических ресурсов в формировании внешнеполитического дискурса, но не в полной мере раскрывает институциональные механизмы принятия решений, что ограничивает ее самостоятельное применение в анализе внешней политики [22].

В контексте Узбекистана данный подход демонстрирует, что активизация внешней политики после 2016 года напрямую связана с внутриполитическими реформами, централизацией принятия решений и изменением приоритетов правящих элит.

Таким образом, результаты методологического анализа показывают, что оптимальным инструментарием для исследования внешней политики Республики Узбекистан является комбинированная модель, которая обеспечивает более полное объяснение трансформации внешнеполитической стратегии Узбекистана на современном этапе.

Внешнеполитический курс Республики Узбекистан в период президентства И. Каримова отражал специфическую модель взаимодействия государства с международной средой, сформированную на пересечении идеологического постсоветского наследия, внутренних вызовов и региональных противоречий. Как показывают исследования, этот период характеризовался устойчивой стратегией укрепления национального суверенитета, поддержания внутренней стабильности и минимизации зависимости от внешних центров силы.

Такой курс стал реакцией на нестабильность постсоветского пространства, межэтнические конфликты и трансграничные угрозы, в частности связанные

с Афганистаном, наркотрафиком и религиозным экстремизмом. В результате внешняя политика Узбекистана носила преимущественно реактивный характер, фокусируясь на нейтрализации угроз и кризисов, а не на выработке долгосрочной стратегии регионального лидерства. Прагматизм и осторожность стали доминирующими чертами этого периода, придавая внешней политике черты оборонительного реализма.

Такая модель ограничивала международное влияние страны и ее способность формировать региональную повестку [9]. Узбекистан в рассматриваемый период выступал скорее как осторожный партнер, чем как активный интегратор. Примеры выхода страны из региональных объединений подтверждают склонность Ташкента избегать структур, где могли возникнуть ограничения национальной автономии.

Кроме того, после трагических событий в Андижане (2005 г.), сопровождавшихся международной критикой, политика Ташкента приобрела черты вынужденного изоляционизма. Узбекистан существенно ограничил контакты с западными странами и международными институтами, при этом усилив двусторонние отношения с Китаем и Россией на прагматической основе. Этот сдвиг укрепил модель внешнеполитического равновесия, но также сузил дипломатические горизонты страны, поскольку сотрудничество строилось не на основе долгосрочных ценностных принципов, а исходя из краткосрочных интересов безопасности [10].

С другой стороны, стратегия И. Каримова способствовала сохранению политической устойчивости государства, предотвращению втягивания Узбекистана в региональные конфликты и формированию основ самостоятельной дипломатии. В условиях отсутствия сильных региональных институтов и постоянной конкуренции между внешними акторами, такая модель внешней политики обеспечивала стране пространство для маневра [9].

Смена руководства в 2016 году и приход Ш. Мирзиёева ознаменовали переход к новому внешнеполитическому парадигмальному этапу, который предполагал постепенный отход от оборонительно-изоляционистской модели и ориентацию на региональную интеграцию, открытость и экономическую кооперацию. Тем не менее, именно в период Каримова были заложены ключевые принципы современного узбекского дипломатического мышления – приоритет национального суверенитета, стратегический прагматизм и ориентация на безопасность как фундаментальные ценности внешней политики [10].

Таким образом, внешнеполитическая стратегия И. Каримова представляет собой противоречивое сочетание прагматического реализма и консервативной изоляции. С одной стороны, она позволила Узбекистану сохранить независимость и избежать участия в конфронтации крупных держав; с другой – ограничила потенциал страны как регионального лидера и интегратора. Эволюция этого курса в последующий период показывает, что именно преодоление институциональной замкнутости и переход от реактивной к проактивной дипломатии стали определяющими факторами внешнеполитической трансформации Узбекистана в эпоху Мирзиёева [9].

С приходом к власти Ш. Мирзиёева в 2016 году внешняя политика Узбекистана претерпела глубокую и многоуровневую трансформацию [20]. Эта трансформация затронула не только институциональные основы принятия внешнеполитических решений, но и философию взаимодействия государства с внешним миром. Если в предшествующий период преобладала оборонительно-изоляционистская модель, ориентированная на сдерживание внешнего влияния и поддержание статус-кво, то с 2016 года наблюдается переход к проактивной, регионально ориентированной и экономически мотивированной дипломатии, нацеленной на интеграцию в региональные и международные процессы [13].

Одним из ключевых направлений обновленной стратегии стало определение Центральной Азии приоритетным направлением внешней политики. В этом контексте особое внимание уделяется политике добрососедства и активизации диалога с соседними государствами. Существенным достижением этого курса стало снижение конфликтного потенциала по ряду чувствительных вопросов в регионе [19]. Формирование атмосферы взаимного доверия и открытого диалога стало одним из наиболее значимых качественных изменений внешнеполитического поведения Узбекистана [20].

Наряду с региональной дипломатией усилилось внимание к экономическому измерению внешней политики. Дипломатические миссии страны получили расширенные мандаты на продвижение национальных инвестиционных интересов, развитие инфраструктурных проектов и содействие экспорту. Это свидетельствует о становлении экономической дипломатии как системообразующего элемента внешнеполитической стратегии. Одновременно усилилось применение инструментов «мягкой силы» в виде образовательных, культурных и экспертных программ, направленных на формирование благоприятного имиджа страны, развитие гуманитарных связей и стимулирование межкультурного диалога [19].

В то же время критический анализ показывает, что активизация участия Узбекистана в многосторонних форматах Шанхайской организации сотрудничества, Организации Объединенных Наций, а также новых региональных платформах типа C5+1 носит преимущественно инструментальный характер. Эти механизмы рассматриваются, прежде всего, как средства укрепления национального развития, модернизации экономики и повышения международного статуса страны, а не как шаги к формированию наднациональных институтов и обязательств. Таким образом, обновленная внешняя политика Узбекистана сочетает элементы конструктивистской открытости и прагматического реализма, формируя гибридную модель, в которой активность на международной арене подчинена внутренним целям устойчивого развития и модернизации [20; 19].

Одним из ключевых изменений после 2016 года стало усиление институциональной базы внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Тем не менее, несмотря на институциональные реформы, в управлении внешнеполитическим курсом сохраняется высокая степень централизации и зависимость стратегических решений от президентского уровня. Это создает определенную структурную уязвимость институциональной архитектуры

и ограничивает автономность дипломатических институтов в долгосрочной перспективе.

Кроме того, дипломатические миссии Узбекистана стали выполнять не только представительские, но и инвестиционные функции, что отражает процесс экономизации внешней политики. Новая дипломатическая стратегия все активнее ориентирована на продвижение национальных экономических интересов, а посольства превращаются в площадки для привлечения инвестиций и расширения торгово-экономических связей.

Анализ показывает наличие асимметрии между институциональным обновлением и практическими механизмами реализации внешней политики. С одной стороны, наблюдается модернизация структуры дипломатии и повышение роли экспертного сообщества; с другой сохраняется персоналистская природа принятия ключевых решений, что снижает устойчивость и преемственность внешнеполитического курса.

Проведенное исследование позволило комплексно осмыслить трансформацию внешнеполитической стратегии Республики Узбекистан в постсоветский период и выявить ключевые закономерности ее эволюции в условиях меняющейся региональной и глобальной политической среды. Отмечается, что традиционные теории международных отношений имеют ограничения, если используются изолированно при изучении сложных постсоветских внешнеполитических механизмов государств Центральной Азии. Это связано с тем, что факторы и нормы, влияющие на внешнюю политику, не укладываются полностью ни в одну парадигму [16; 22].

Сравнительный анализ классических и современных теорий международных отношений показывает ограниченность их объяснительного потенциала применительно к узбекскому кейсу. Реализм, фокусирующийся на балансе сил и безопасности, недостаточно учитывает роль внутриполитических трансформаций и факторов идентичности; либерализм подчеркивает значение международных институтов, но слабо отражает особенности авторитарных политических контекстов; конструктивизм акцентирует роль идей и идентичностей, но не всегда может объяснить прагматическую динамику внешнеполитических выборов. В этой связи обоснованным представляется использование гибридного аналитического подхода, сочетающего системный анализ, элементы институциональной теории, рационального анализа и конструктивистской интерпретации.

Системный анализ позволяет выявить тесную взаимосвязь между внутренними преобразованиями и внешнеполитическим поведением Узбекистана. Особенно наглядно это проявляется в пост-каримовский период, когда внутренняя либерализация, экономические реформы и открытость сопровождалась активизацией региональной дипломатии, нормализацией отношений с соседними государствами и усилением многостороннего взаимодействия с глобальными акторами, включая соседние государства Центральной Азии [20].

Историко-периодизационный анализ подтверждает наличие качественного разрыва между двумя этапами внешнеполитического развития: более изоляционистской фазой стратегического дистанцирования и осторожного суверенитета

в 1990–2016 гг. и фазой прагматичного, проактивного и многоуровневого взаимодействия, начавшейся после 2016 г. После прихода к власти Шавката Мирзиёева политика Узбекистана стала более ориентированной на укрепление регионального диалога, расширение внешнеэкономических связей и многовекторное взаимодействие с внешними партнерами.

Анализ геополитического измерения внешней политики Узбекистана подтверждает его способность к стратегическому маневрированию между конкурирующими центрами силы Россией, Китаем, странами Запада и международными организациями. Это характерно для модели «многовекторного прагматизма», где прагматическое уравнивание интересов различных акторов позволяет минимизировать риски и извлекать преимущества из экономического и политического сотрудничества с разными партнерами [16].

Анализ выявил тенденцию к институционализации и усложнению механизмов внешнеполитического принятия решений. Усиление роли Министерства иностранных дел, расширение функций дипломатических представительств и формирование аналитических и экспертных структур свидетельствуют о постепенном отходе от персоналистской модели дипломатии в сторону более рациональной и профессиональной системы внешнеполитического планирования [20]. С другой стороны, сохраняющаяся высокая степень централизации и персонального контроля говорит о том, что процесс институционализации остается незавершенным.

В целом, результаты исследования подтверждают, что внешнеполитическая стратегия Республики Узбекистан представляет собой динамичный, многоуровневый и контекстуально обусловленный феномен, формирующийся на пересечении внутренних реформ, региональных процессов и глобальных трансформаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Казанцев А.А., Гусев Л.Ю.** Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2.
2. **Казимир Л.А.** Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskoe-razvitie-uzbekistana-novye-orientiry>.
3. **Таджиев Ш.** «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан. Ташкент, 2020.
4. **Цао Х.** Анализ стратегий Китая и США в Центральной Азии: взгляд на механизм «C5+1» // Право и политика. 2024. № 10.
5. **Чукубаев Е.** Многовекторность государств Центральной Азии в новой геополитической реальности // Bulletin of International Law (KazNU). 2017 // <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/747>.
6. **Юлдашева Г.** Внешняя политика Нового Узбекистана и его особенности // ORIENSS. 2023. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-novogo-uzbekistana-i-ego-osobennosti>.

7. **Campbell D.** Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Rev. ed. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
8. **Dadabaev T.** De-securitizing the «Silk Road»: Uzbekistan's cooperation agenda with Russia, China, Japan, and South Korea in the post-Karimov era // Journal of Eurasian Studies. 2020. Vol. 11, no. 2.
9. Eurasian Research Institute. Regional cooperation and Uzbekistan's foreign policy transformation. 2025 // <https://eurasian-research.org/publications/regional-cooperation-and-uzbekistan-foreign-policy-transformation>.
10. **Fazendeiro B.T.** Uzbekistan's defensive self-reliance: Karimov's foreign policy legacy // International Affairs. 2017. Vol. 93, no. 2.
11. **Hamzaoglu H.** Analyzing Uzbekistan foreign policy: Principles and priorities. 2020 // https://www.researchgate.net/publication/342425085_Analyzing_Uzbekistan_Foreign_Policy_Principles_and_Priorities.
12. **Hynek O.** Geopolitics of Central Asia: Between the Russian Bear and the Chinese Dragon // Central European Journal of Politics. 2020. Vol. 6, no. 2 // https://www.cejop.cz/wp-content/uploads/2021/02/2020_Vol-06_No-02_Art-04_Geopolitics-of-Central-Asia_3.pdf.
13. **Kobilov F.** From geopolitical pendulum to regional player: Uzbekistan's regional foreign policy following the leadership change in 2016 // Central Asian Survey. 2025.
14. **Madaminova F.** Foreign Policy Change Under Authoritarian Leaders: Analysis of Uzbekistan's Foreign Policy in the Post-Cold War Era // Politologija. 2023. Vol. 111, no. 3.
15. **Nurimbetov R.I.** Uzbekistan's strategic approaches to the Shanghai Cooperation Organization: Exploring opportunities for «middle power» diplomacy // Frontline Social Sciences and History Journal. 2024. Vol. 4, no. 7 // <https://frontlinejournals.org/journals/index.php/fsshj/article/download/575/548/814>.
16. **Pikalov A.** Uzbekistan between the great powers: A balancing act or a multi-vectorial approach? // Central Asian Survey. 2014. Vol. 33, no. 3.
17. **Pritchins S.** Multi-vectorial approach as the key model of Central Asian countries' foreign policy // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67, no. 12.
18. **Rosenau J.N.** Pre-theories and theories of foreign policy // In: Farrell R. B. (ed.). Approaches to Comparative and International Politics. Evanston: Northwestern University Press, 1966.
19. **Safoev S.** The phenomenon of the New Uzbekistan diplomacy // International Affairs (Uzbekistan). 2025 // <https://international-affairs.uz>.
20. **Toktogulov B.** Uzbekistan's foreign policy under Mirziyoyev: Change or continuity? // Eurasian Research Journal. 2022. Vol. 4, no. 1.
21. **Weitz R.** Uzbekistan's new foreign policy: Change and continuity under President Mirziyoyev. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2018 // <https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/1801Weitz.pdf>.
22. **Wendt A.** Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

23. Weldes J. Constructing national interest // European Journal of International Relations. 1996. Vol. 2, no. 3.

Y. IZTELEUOVA

Independent PhD Candidate,
Uzbekistan State World Languages University,
Tashkent, Uzbekistan

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE FOREIGN POLICY STRATEGY OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article is devoted to a comprehensive analysis of methodological approaches to the study of the foreign policy strategy of the Republic of Uzbekistan in the post-Soviet period. The aim of the study is to identify theoretical and methodological tools that make it possible to adequately explain the logic behind the formation and transformation of Uzbekistan's foreign policy in the context of changing regional and international environments, as well as the country's internal political and institutional evolution. Particular attention is paid to the analytical potential of key paradigms of international relations theory—realism, liberalism, and constructivism—which are applicable to the examination of different stages of the Republic of Uzbekistan's foreign policy development. It is demonstrated that the realist approach helps to identify priorities related to sovereignty, security, and strategic autonomy; the liberal approach emphasizes the importance of economic interdependence, international institutions, and multilateral cooperation; while the constructivist perspective reveals the role of identity, foreign policy discourse, and normative factors in shaping foreign policy decisions. A special emphasis is placed on the period of power transition and the rise to power of Shavkat Mirziyoyev, which is characterized by an adjustment of the foreign policy course, the intensification of regional diplomacy, and the expansion of multilateral formats of interaction in Central Asia. The article substantiates the relevance of employing a hybrid methodology that combines elements of structural, institutional, and agency-oriented analysis. Such an interdisciplinary approach makes it possible to take into account the interaction of internal socio-economic transformations, the factor of political leadership, and external constraints of the international environment. It is concluded that a combined methodological framework provides a more comprehensive and objective understanding of the evolution of the foreign policy strategy of the Republic of Uzbekistan and enhances the analytical value of research in the field of regional and international studies.

Key words: Uzbekistan, foreign policy, realism, constructivism, geopolitics, strategic culture.